

ПОГРЕБЕНИЕ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ ИЗ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ СО СЛЕДАМИ НАСИЛЬСТВЕННОЙ СМЕРТИ

© 2022 г. Н. Н. Серегин^{1, *}, М. А. Демин^{2, **}, С. С. Матренин^{1, ***}, С. С. Тур^{1, ****}

¹ Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

² Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

*E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

**E-mail: mademin52@mail.ru

***E-mail: matrenins@mail.ru

****E-mail: tursvellana@mail.ru

Поступила в редакцию 14.01.2022 г.

После доработки 22.02.2022 г.

Принята к публикации 22.03.2022 г.

В статье представлены результаты изучения погребения человека со следами насильственной смерти, раскопанного на некрополе эпохи Великого переселения народов Карбан-I. Данный памятник, расположенный в Чемальском районе Республики Алтай, исследовался экспедицией Алтайского государственного педагогического университета в 1989–1990 гг. Анализ зафиксированных признаков обрядовой практики позволил установить, что захоронение совершено носителями карбанской погребальной традиции, составлявшими одну из многочисленных групп населения булан-кобинской археологической культуры. Изучение морфологических характеристик обнаруженных предметов инвентаря и их сопоставление с известными материалами Алтая и сопредельных территорий стало основанием для определения датировки объекта в рамках II – первой половины III в. н.э. Количество и характер зафиксированных травм однозначно свидетельствуют о том, что мужчина из анализируемого погребения, не являвшийся профессиональным воином, стал жертвой насилия с использованием оружия. Имеющиеся данные позволяют предварительно предположить, что противником убитого стал представитель культурно чужеродного населения.

Ключевые слова: Алтай, эпоха Великого переселения народов, погребение, скелетная травма, оружие, хронология.

DOI: 10.31857/S086960632203014X

Эпоха Великого переселения народов характеризуется повышением интенсивности межличностных конфликтов с использованием предметов вооружения. Отдельные аспекты такого взаимодействия у скотоводов Алтая в последние годы рассматривались на материалах раскопок погребальных комплексов булан-кобинской культуры. Прямым подтверждением фактов насилия с применением оружия дальнего и ближнего боя являются травмы на костях умерших людей без следов заживления (рубленные, резаные, колотые раны, следы декапитации и скальпирования) (Тур, Матренин, 2016; Тур, Матренин, Соенов, 2018). О повышенном уровне социальной напряженности в регионе свидетельствует также довольно большое количество прижизненных травм черепа (Тур, 2019. С. 148, 152–156).

Изучение документированных свидетельств летальных и прижизненных травм требует комплексного анализа с участием широкого круга

специалистов. Получаемые при таком подходе результаты будут иметь большое значение для понимания специфики историко-культурных условий существования отдельных популяций булан-кобинского социума и осуществления объективных этносоциальных реконструкций по материалам археологических памятников. При этом важным является расширение круга привлекаемых источников, в том числе посредством введения в научный оборот и разноплановой интерпретации неопубликованных данных. В настоящей статье представлен опыт исследования захоронения мужчины со следами насильственной смерти из некрополя Карбан-I эпохи Великого переселения народов.

Характеристика источников. Погребально-поминальный комплекс Карбан-I расположен в Чемальском р-не Республики Алтай, на левом берегу р. Катунь, в 1.7 км к северо-западу от с. Куюс (рис. 1). В составе этого разновременного памят-

Рис. 1. Расположение погребально-поминального комплекса Карбан-I.

Fig. 1. The location of the burial and memorial complex of Karban-I

ника, открытого М.Т. Абулганеевым, археологической экспедицией Барнаульского государственного педагогического института (ныне Алтайский государственный педагогический университет) под руководством М.А. Демина в 1989–1990 гг. вскрыто более двадцати погребальных сооружений булан-кобинской культуры (Серегин, Демин, Матренин, 2021б). Среди исследованных объектов, которые пока еще слабо введены в научный оборот, раскопан курган № 14, содержащий непо потревоженное захоронение молодого мужчины.

Курган № 14 локализован в северо-восточной части раскопа и являлся крайним с юго-запада в ряду, состоявшем из объектов № 11, 13, 14, 27. В результате зачистки конструкции, практически не выделявшейся до исследований, выявлено каменное надмогильное сооружение овальной формы размером 2.7×1.8 м, ориентированное длинной осью с северо-запада на юго-восток. Контур насыпи был выложен крупными плоскими плитами и валунами, образующими крепиду (рис. 2, 1).

К рассматриваемому объекту был пристроен курган № 13, содержащий захоронение ребенка в каменном ящике, без сопроводительного инвентаря (Серегин, Демин, Матренин, 2021а. С. 36).

Следует подчеркнуть, что в отличие от многих объектов булан-кобинской культуры, исследованных на некрополе Карбан-I, курган № 14 почти не имел внутри кольцевой выкладки каменной забутовки: только небольшой участок в южном секторе оказался заложен речными валунами; по остальной площади сразу после удаления слоя песка обнаружены плиты перекрытия. Под ними находился каменный ящик прямоугольной в плане формы размерами 1.9×0.45 м, ориентированный продольной осью по линии северо-запад — юго-восток. Плиты, образывавшие длинные стенки ящика, в его южной половине опускались ко дну могилы покато. В результате ширина юго-восточного торца данного сооружения на уровне дна составляла около 0.3 м, а его форма по дну становилась трапецевидной.

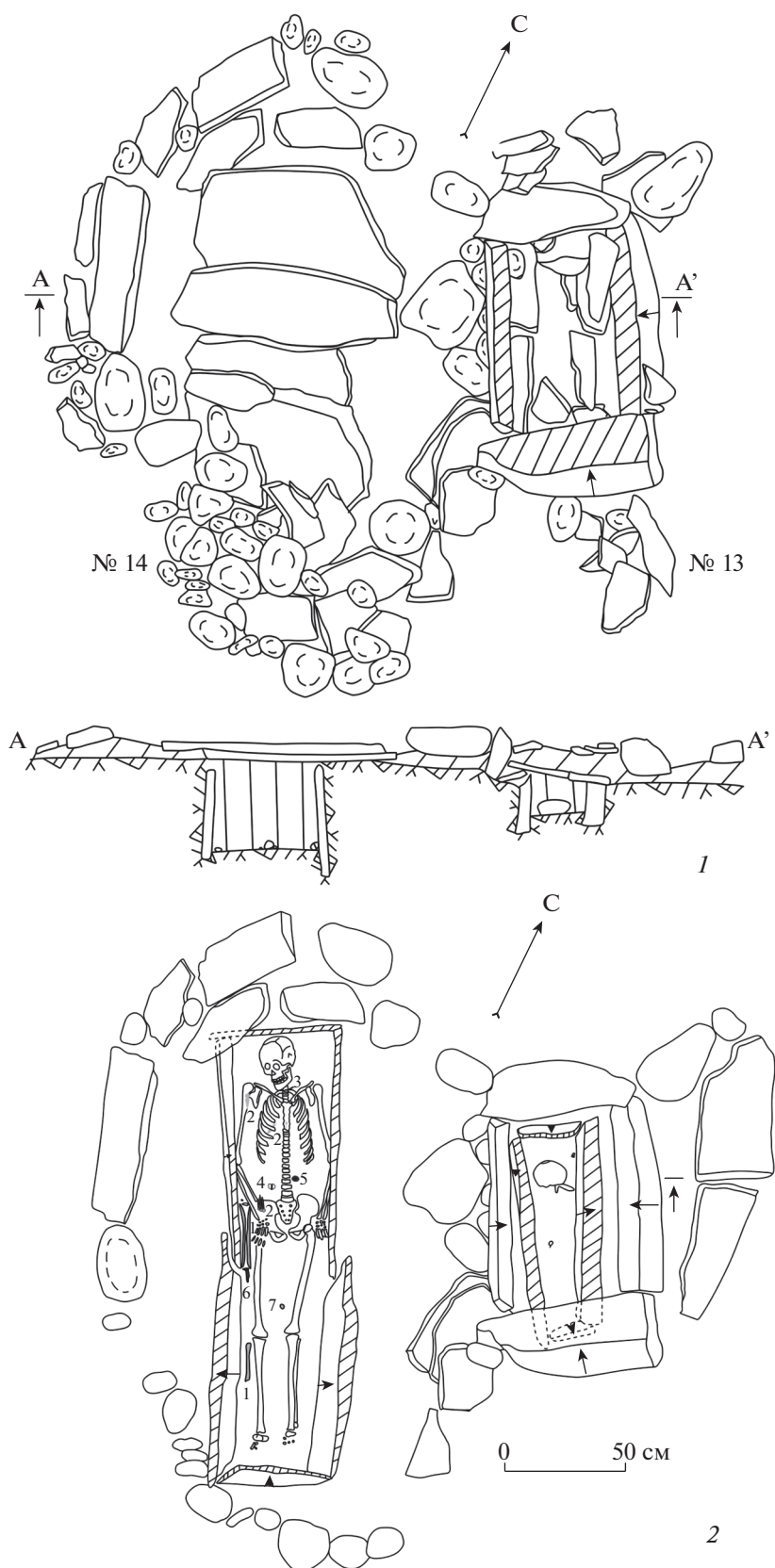

Рис. 2. План наземного сооружения, разрез могил (1) и план погребений (2) курганов № 14 и 13 некрополя Карбан-I. Предметы в погребении кургана № 14: 1 – роговые накладки на лук; 2 – костяные (роговые) наконечники стрел; 3 – бусина; 4 – железная поясная пряжка; 5 – железное кольцо (“блок”); 6 – железные шило и нож; 7 – рыбий позвонок.
Fig. 2. Plans of the ground structure (1) and plans of the graves (2) of burial mounds No. 14 and 13 from the Karban-I necropolis

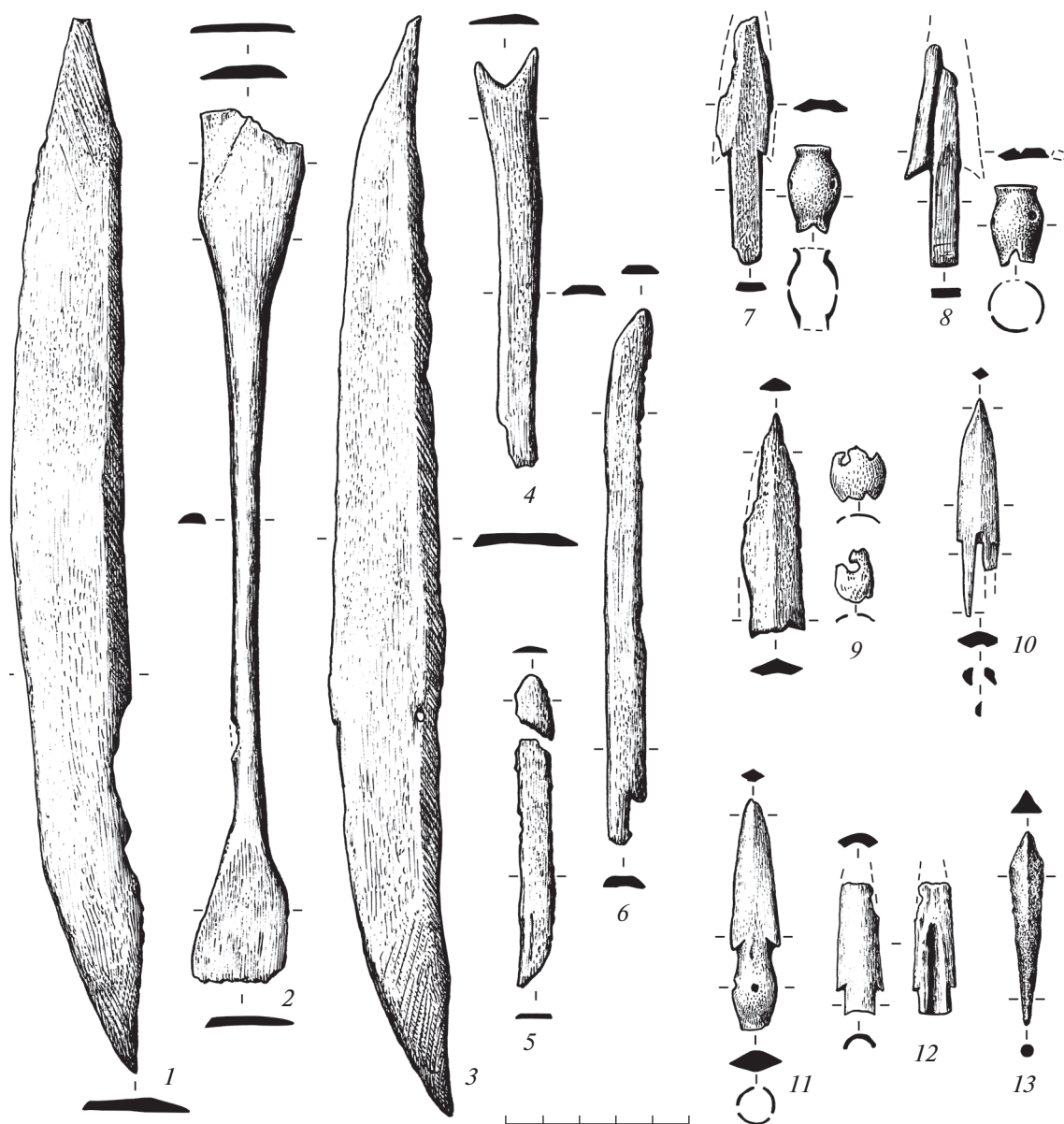

Рис. 3. Накладки на лук и наконечники стрел из погребения кургана № 14 некрополя Карбан-I: 1–12 – кость, рог; 13 – железо.

Fig. 3. Appliqué for bows and arrowheads from burial mound No. 14 of the Karban-I necropolis

На дне могилы, имеющей глубину 0.4 м от уровня древнего горизонта, расчищен скелет мужчины 30–40 лет в анатомическом порядке (рис. 2, 2). Умерший лежал вытянуто на спине, головой ориентирован на северо-запад. Череп человека был повернут вправо, лицевой частью обращен на юго-запад. Руки, немного согнутые в локтях и чуть разведенные в стороны, уложены вдоль туловища.

В погребении зафиксирован довольно разнообразный сопроводительный инвентарь. На умершего человека сверху был положен составной лук, от которого сохранились роговые накладки: две сре-

динные боковые (рис. 3, 1, 3) и двояная тыльная (рис. 3, 2, 4), обнаруженные у правого крыла таза, и обломки концевых боковых (рис. 3, 5, 6) на нижнее плечо кибити – у правой голени.

На правом предплечье, над крылом таза погребенного, лежали три костяных (роговых) черешковых наконечника стрел, снабженных отдельно изготовленными “свистунками” (рис. 3, 7–9). Один костяной (роговой) наконечник с зажимным способом крепления (рис. 3, 10) выявлен среди ребер внутри грудной клетки. Втульчатый экземпляр со свистунком (рис. 3, 11) лежал под правой плечевой костью (плашмя острием к но-

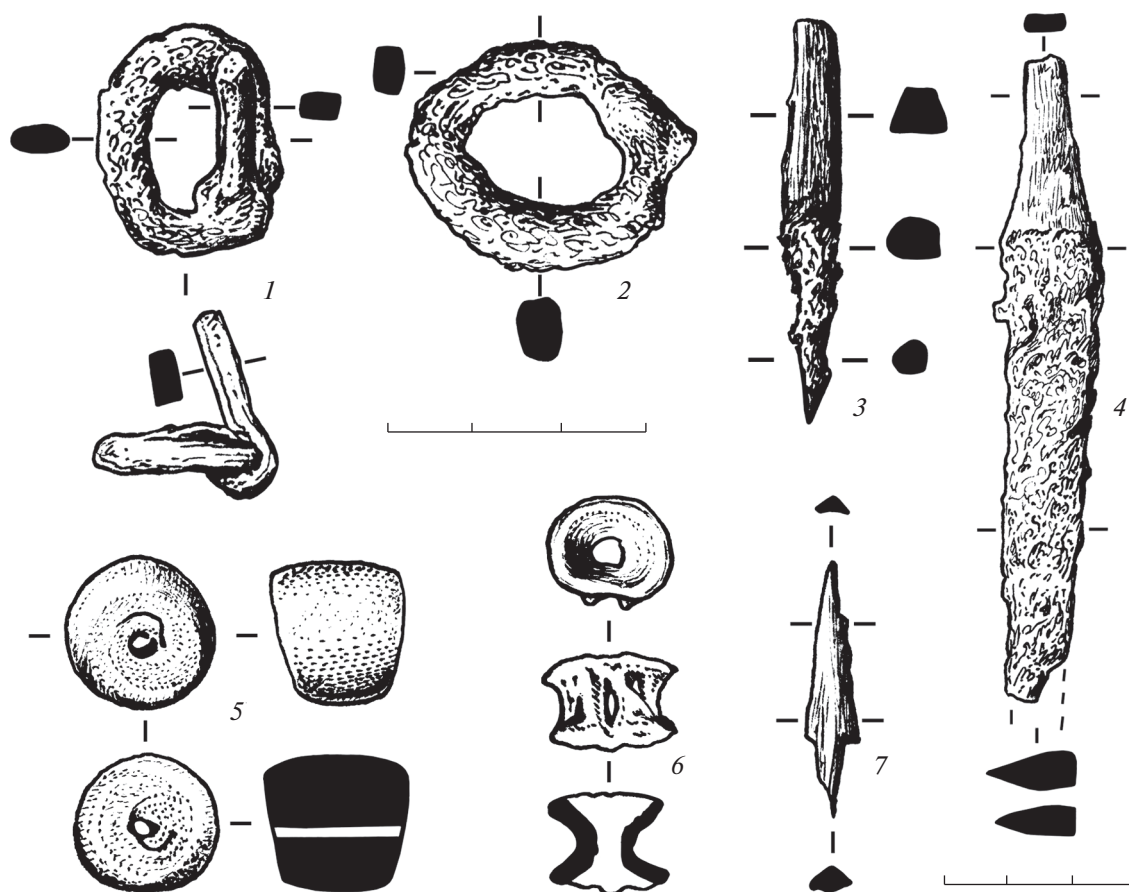

Рис. 4. Элементы костюма, украшения и орудия труда из погребения кургана № 14 некрополя Карбан-I: 1–4 – железо; 5 – камень; 6, 7 – кость.

Fig. 4. Elements of costume, adornments and tools from burial mound No. 14 of the Karban-I necropolis

гам), а наконечник с цельной цилиндрической втулкой (рис. 3, 12) оказался зажатым острием вверх между грудными позвонками.

В области пояса умершего человека встречены овальная железная пряжка с подвижным язычком (рис. 4, 1), лежавшая справа от позвоночника, и железный кольцевой “блок” (рис. 4, 2). У правого бедра под накладками на лук зафиксированы железные шило (рис. 4, 3) и нож (рис. 4, 4). Под нижней челюстью мужчины обнаружена крупная бузина белого цвета (рис. 4, 5). Между ног погребенного, ближе к коленям, находился лежавший на ребре рыбий позвонок, просверленный по центру (рис. 4, 6). В его отверстие было вставлено костяное острие длиной чуть менее 3 см (рис. 4, 7).

Самая неожиданная находка была сделана в процессе разборки скелета – внутри черепа обнаружен железный наконечник стрелы (рис. 3, 13).

Анализ материалов. Зафиксированные особенности обряда захоронения (расположение в ряду тесно сгруппированных насыпей; небольшое наземное сооружение с овальной крепидой из крупных камней по внешнему контуру; неглубокая

могильная яма с отвесными стенками; каменный ящик трапециевидной формы из тонких плит с перекрытием, одиночная ингумация; ориентировка умершего головой в северо-западный сектор горизонта; положение человека вытянуто на спине) свидетельствуют о принадлежности данного объекта к памятникам булан-кобинской культуры, существовавшей на Алтае в течение последней четв. I тыс. до н.э. – первой пол. I тыс. н.э. (Соенов, 2003. С. 46–53; Тишкин, 2007. С. 158–184; Серегин, Матренин, 2016. С. 134–147, 187–190).

Обнаруженный с умершим человеком набор предметов включал непосредственно сопроводительный инвентарь, а также вещи, являвшиеся орудиями его убийства. Морфологический анализ изделий и их сопоставление с известными материалами из других некрополей Алтая II в. до н.э. – V в. н.э., а также синхронных памятников Центральной и Северной Азии позволяют установить время сооружения объекта.

Составной лук представлен неполным, вероятно, сломанным изделием со срединными и

нижними концевыми роговыми накладками. Расположение данных деталей указывает на то, что лук был уложен на умершего человека, вдоль его правой стороны. Срединные боковые накладки выполнены из длинных (29.6–30.7 см) и широких (3–3.2 см) пластин с сегментовидным абрисом (рис. 3, 1, 3). По своему оформлению они обнаруживают сходство с экземплярами из памятников хунну Монголии и Забайкалья II в. до н.э. – I в. н.э., а также из комплексов Тувы конца I в. до н.э. – начала III в. н.э. (Коновалов, 1976. Табл. III–V; Цэвэндорж, 1985. Рис. 12, 2; 14, 10; 16, 1; 30, 8, 10; Худяков, 1986. Рис. 3, 1–7; Николаев, 2001. С. 81, 82. Табл. 77, 1; 94, 2; 95, 1, 2; 114, 3; 118, 10; 120, 6; и др.). При исследовании некрополей булан-кобинской культуры Алтая такие накладки обнаружены в погребениях, датирующихся преимущественно в рамках II в. до н.э. – I в. н.э. и реже – II – первой пол. IV вв. н.э. (Мамадаков, 1990. Рис. 80, 81; Худяков, 1997. Рис. 1, 3, 4, 12; Соенов, Эбель, 1992. Рис. 22; и др.). Срединная тыльная накладка была двусоставной. Основная пластина имела веслообразную форму, среднюю длину (24.6 см) и широкие (2.6–2.8 см) лопатковидные окончания (рис. 3, 2). Судя по известным материалам, она является местной формой изделий, появившейся на Алтае в сяньбийское время. Редкие аналогии ей зафиксированы в булан-кобинских комплексах III–IV вв. н.э. (Соенов, Эбель, 1998. Рис. 15, 5; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018. С. 41). В центральной части данная накладка была усилена дополнительной пластиной длиной около 12 см и шириной от 1.1 до 1.6 см (рис. 3, 4). Концевые боковые накладки (рис. 3, 5, 6) сильно фрагментированы и не подлежат хронологической атрибуции.

Костяные (роговые) наконечники стрел, входившие в состав погребального инвентаря, включают три экземпляра, компактно лежавшие остриями вверх на правом предплечье мужчины. Все они имеют черешковый насад, многогранное в поперечном сечении перо с вытянуто-треугольной абрисом и вогнутыми плечиками-шипами, а кроме того отдельно изготовленный костяной свистунок бочонковидной формы (рис. 3, 7–9; 5, 1–3). Такие изделия у населения булан-кобинской культуры Алтая являлись производными от аналогичных по форме ромбовидных наконечников, широко известных в сяньбийское время (II – первая пол. IV в. н.э.) и крайне редко встречающихся в жузжанский период (вторая пол. IV – первая пол. V в. н.э.) (Мамадаков, 1990. Рис. 15, 6; 25, 6; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018. С. 120. Табл. 35, 9, 15; Матренин, Серегин, 2019. С. 105, 109). В отношении отдельно изготовленных костяных свистунков можно предположить, что данная деталь была заимствована от боевых стрел с железными наконечниками, либо это являлось попыткой упрощения технологии производства

костяных (роговых) наконечников с цельной втулкой-свистунком.

Остальные три костяных (роговых) наконечника зафиксированы *in situ* в контексте, который позволяет сделать вывод о том, что они находились в теле умершего человека (рис. 5).

Между грудными позвонками острием вверх был зажат наконечник с линзовидным (дуговидным) пером треугольной формы, имеющий втулчатый выступающий насад цилиндрической формы (рис. 3, 12; 5, B, 4). Близкие по оформлению изделия обнаружены в погребениях сяньби Восточного Забайкалья конца I – начала III в. н.э. (Яремчук, 2005. Рис. 76, 7, 8). В известных археологических материалах булан-кобинской культуры в качестве наиболее похожих можно упомянуть ромбовидные и многогранные экземпляры с треугольным и пятиугольным пером из некрополей конца III – IV в. н.э. (Мамадаков, 1990. Рис. 16, 6; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018. С. 121. Табл. 34, 2). Конструктивно близкие наконечники, но с трехгранным пером зафиксированы в комплексах II в. до н.э. – I в. н.э. и второй пол. IV – начала V в. н.э. (Худяков, 1997. Рис. 1, 6; Серегин и др., 2020. С. 92. Рис. 2, 7).

Из правой половины грудной клетки погребенного извлечен зажимной наконечник, имеющий многогранное пятиугольное перо с покатыми плечиками (рис. 3, 10; 5, B, 5). На Алтае изделия с “расщепленным” насадом являлись показательным “этнографическим” элементом охотничьего инвентаря скотоводов Алтая в III–V вв. н.э. (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018. С. 125; Матренин, Серегин, 2019. С. 110, 111; Серегин и др., 2020. С. 95). Экземпляр из могильника Карбан-I отличается достаточно редким вариантом сечения пера, что, вероятно, обусловлено его изготовлением из трубчатой кости. В типологическом отношении он совпадает с часто встречающимися в комплексах булан-кобинской культуры ромбовидными наконечниками, которые обычно имеют прямые плечики (Мамадаков, 1990. Рис. 33, 9, 10; 38, 8; 45, 6, 7; 51, 6; Соенов, Эбель, 1992. Рис. 28, 1; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018. С. 122).

Под правой плечевой костью умершего человека лежал костяной (роговой) наконечник стрелы с ромбовидным пером треугольной формы, имеющий вогнутые плечики и выступающую цельную втулку-свистунок бочонковидной формы (рис. 3, 11; 5, B, 6). У населения Алтая период активного применения похожих по конструкции изделий приходился на вторую четв. I тыс. н.э., что, по-видимому, отражает влияние костерезных традиций одной из групп северных сяньби (Матренин, Серегин, 2019. С. 109). Карбанский экземпляр свидетельствует о том, что “булан-кобинцы” могли использовать такие изделия уже в

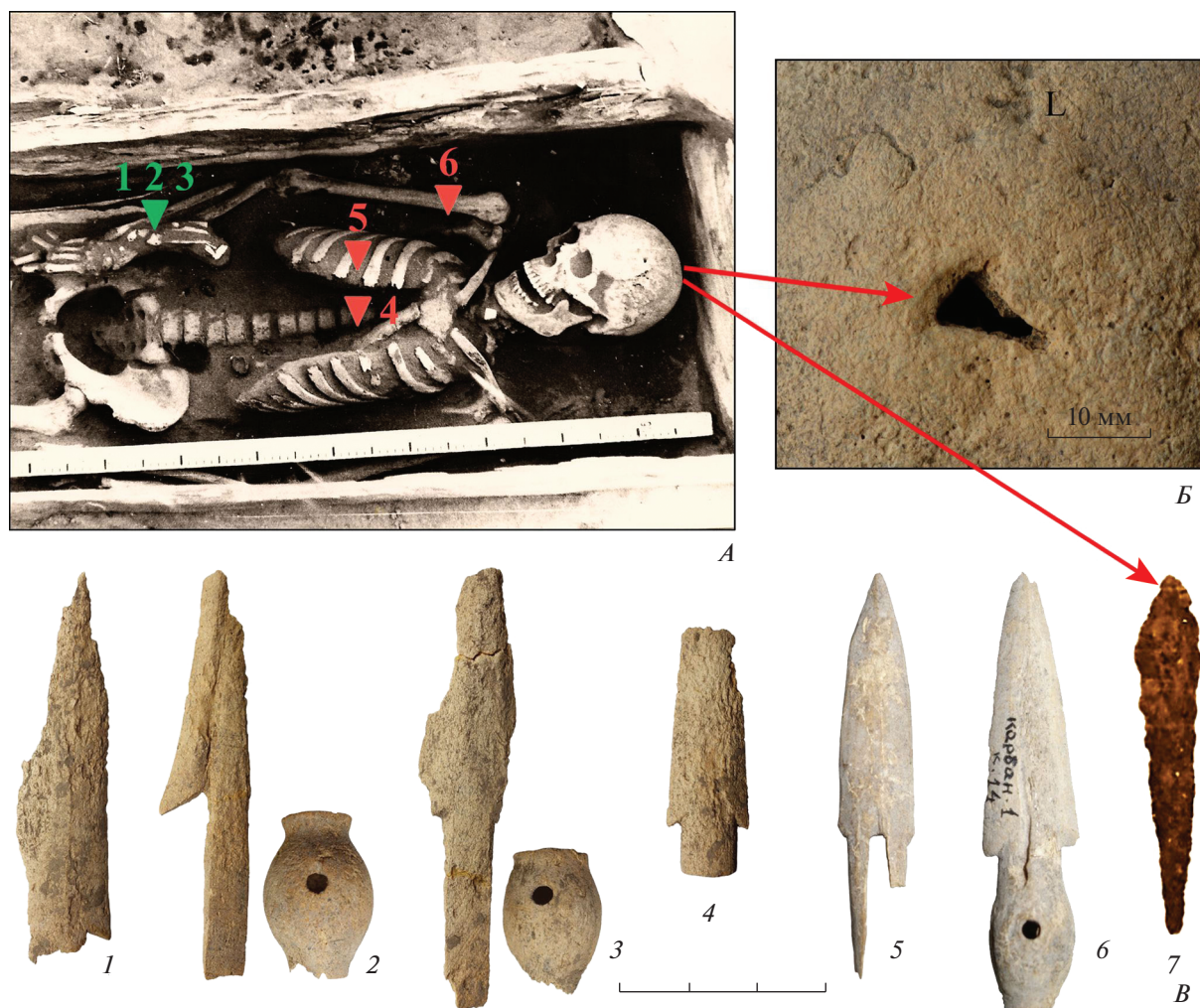

Рис. 5. Расположение наконечников стрел (1–7) в погребении кургана № 14 некрополя Карбан-I (А), травма черепа без следов заживления (Б), наконечники (Б): 1–6 – кость, рог; 7 – железо.

Fig. 5. The location of arrowheads (1–7) in burial mound No. 14 of the Karban-I necropolis (A), a skull injury with no signs of healing (B), arrowheads (B)

первой пол. III в. н.э., вероятно, ближе к середине столетия. Показательно, что в известных нам коллекциях булан-кобинской культуры Алтая наконечники с цельной втулкой-свистунком имеют иное сочетание формы поперечного сечения и абриса поражающей части (трехгранный с треугольным и листовидным пером, ромбовидные пятиугольные и ярусные, круглые граненые с ромбовидным, пятиугольным и килевидным пером).

Железный наконечник стрелы обнаружен внутри черепа человека. Данный экземпляр имеет черешковый насад и трехгранное в сечении перо асимметрично-ромбической формы без упора (рис. 3, 13; 5, Б, 7). Данное изделие относится к числу бронебойных. В Центральной Азии трехгранные наконечники известны уже у хунну в I в. до н.э. – I в. н.э. (Худяков, 1986. С. 31. Рис. 6, 1).

Предметы с таким сечением пера интенсивно использовались населением Средней Азии с III в. н.э. (Кожомбердиев, Худяков, 1987. С. 84. Рис. 6, 7–10; 13–24; Левина, 1996. Рис. 92, 20, 23, 45; Литвинский, 2001. С. 107–110). Важно подчеркнуть, что данный экземпляр не имеет аналогий в известном нам воинском арсенале носителей булан-кобинской культуры и, возможно, связан с чужеродным для Алтая населением.

Элементы пояса в анализируемом предметном комплексе весьма немногочисленны. Поясная пряжка представлена железным экземпляром с подвижным язычком, закрепленным на основании рамки овальной формы (рис. 4, 1). Похожее изделия являлись наиболее распространенной модификацией ремennых застёжек у кочевников булан-кобинской культуры в саяно-бирский и жузжанский периоды (Матренин, 2017. С. 30, 31, 43;

Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018. С. 72, 76). “Блок” в виде железного сомкнутого кольца (рис. 4, 2) крепился к ремню, вероятно, с помощью подвижной кожаной петли. Данный предмет характерен для снаряжения скотоводов Алтая во II–V вв. н.э. (Матренин, 2017. С. 94, 95; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018. С. 94, 96).

Комплекс орудий труда из погребения кургана № 14 включал нож и шило. Последнее из обозначенных изделий было сделано из заостренного железного стержня длиной 4,7 см с многогранной рабочей частью (рис. 4, 3). Аналогии данному изделию зафиксированы на Алтае в погребениях II – первой пол. V в. н.э. (Соенов, Константинова, 2015. Рис. 4; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018. Табл. 38, 4, 6, 7; и др.). Железный нож имеет короткий (7,5 см) треугольный в сечении клинок со слегка выгнутой спинкой и прямой черенок для рукояти (рис. 4, 4). Подобные предметы представляли собой массовую категорию в орудийном комплексе населения булан-кобинской культуры саянбийского и жужанского периодов (Мамадаков, 1990. Рис. 85, 12–15; Соенов, Константинова, 2015. С. 20–21. Рис. 5; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018. С. 126. Табл. 36, 37; и др.).

Основным украшением костюма умершего человека выступала крупная белая бусина, использовавшаяся в качестве подвески на шею (рис. 4, 5). Изделие размерами 1,7 × 1,3–1,7 см имеет круглое поперечное и эллипсоидное (симметрично усеченное) продольное сечение. Подобные декоративные предметы наиболее широко использовались населением Алтая во II – первой пол. IV в. н.э. (Трифанова, Соенов, 2019. С. 42, 43). Вероятно, к украшениям относился также рыбий позвонок со вставленным в центральное сквозное отверстие костяным острием (рис. 4, 6, 7). В материалах булан-кобинской культуры это пока единственный известный нам случай присутствия такого предмета в составе погребального инвентаря. Находки позвонков крупных рыб, использовавшихся в качестве подвесок или бус, зафиксированы в поселенческих комплексах майминской культуры Северного Алтая (Трифанова, Соенов, 2019. Рис. 25, 8, 14). Данные свидетельства также известны в материалах единичной культуры Верхнего Приобья (Грязнов, 1956. Табл. XXXVIII, 12).

Сохранившиеся антропологические материалы позволяют сделать ряд заключений о форме и характере повреждений головы и посткраниального скелета. На черепе мужчины зафиксирован дырчатый перелом без признаков заживления (рис. 5, А, Б). Перелом локализуется в верхней части затылочной кости, примерно на 20 мм ниже *lambda* – точки соединения затылочной и теменных костей. Отверстие имеет форму треугольника, одна сторона которого равняется 7 мм, две

другие – 10 мм. Наиболее вероятной причиной данного перелома, по-видимому, являлся удар наконечником стрелы с поперечным сечением подтреугольной формы и длиной стороны 7–7,2 мм. Вытянутая форма отверстия, а также соотношение его внешних и внутренних краев показывают, что наконечник вошел в кость наклонно, под острым углом к поверхности. Очевидно, стрелявший находился сзади и справа от жертвы. Расположение костяного (рогового) наконечника стрелы, застрявшего между грудными позвонками, однозначно свидетельствует о том, что он вонзился в тело мужчины сзади. Два других костяных (роговых) наконечника (один в правой пол. грудной клетки, другой под правой рукой), вероятно, тоже поразили его со спины.

Гибель мужчины, которую подтверждает наличие дырчатого перелома свода черепа без следов заживления, очевидно, произошла в результате конфликта с использованием наступательного оружия дальнего боя и охотничьего инвентаря.

Обсуждение результатов. Захоронение мужчины из кургана № 14 некрополя Карбан-I по сочетанию характеристик наземной конструкции и признаков зафиксированного ритуала захоронения относится к карбанской погребальной традиции. Ее носители составляли одну из многочисленных групп полиэтнического населения булан-кобинской культуры Алтая, проживавшего в регионе на протяжении последней четв. I тыс. до н.э. – первой пол. I тыс. н.э. (Серегин, Матренин, 2016. С. 159, 160). Судя по имеющимся материалам, в этносоциальной стратификации кочевников региона “карбанцы” занимали, за редким исключением, невысокое положение (Серегин, Матренин, 2020. С. 125, 128).

Предметный комплекс из захоронения оказался достаточно информативным для определения времени сооружения объекта в рамках саянбийского периода. Наиболее вероятной представляется датировка погребения в границах II – первой пол. III вв. н.э. Обнаруженный сопроводительный инвентарь указывает на то, что умерший мужчина при жизни относился к полноправному рядовому населению. Судя по имеющимся результатам социальной интерпретации археологических комплексов булан-кобинской культуры Алтая, покойный имел средний индивидуальный статус в вертикальной стратификации общества кочевников (Серегин, Матренин, 2020. С. 107–112). В мирной жизни он был скотоводом и охотником, обладавшим невысоким уровнем материального благосостояния, а в военное время – легковооруженным “ополченцем”.

Зафиксированные на черепе и костях посткраниального скелета травмы без следов заживления у мужчины, похороненного в кургане № 14, однозначно свидетельствуют о том, что он был убит из

лука несколькими стрелами (одной в голову, тремя в туловище), оснащенными железным и костяными (роговыми) наконечниками.

Опыт антропологических исследований показывает, что данные по скелетному травматизму являются индикатором вовлеченности социума в конфликты разного рода, от межличностных до межгрупповых. В качестве важного показателя уровня насилия рассматриваются относительное количество и характер преднамеренных повреждений черепа, нанесенных с использованием оружия и других предметов (Ражев, 2013. С. 65; Тур, Матренин, Соенов, 2018. С. 134–138; Тур, 2019. С. 149–156).

В ходе изучения обобщенной серии погребений Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. установлено, что относительная частота травм головы, сопутствующих смерти носителей булан-кобинской культуры, составляла среди мужчин 13.3% (Тур, Матренин, Соенов, 2018. С. 134, 135). Значительный уровень посмертного травматизма с использованием предметов вооружения отражает высокий уровень милитаризации кочевников, обусловленный проникновением в регион разных групп населения вследствие его включения в состав владений центрально-азиатских империй хунну (II в. до н.э. – I в. н.э.), сяньби (II – первая пол. III в. н.э.), жужаней (вторая пол. IV – V в. н.э.). Наиболее ожесточенным был период второй пол. III – IV в. н.э., когда в связи с распадом державы сяньби и обострением междоусобной борьбы за власть отдельные коллективы “булан-кобинцев” могли быть вовлечены в вооруженные конфликты с культурно/этнически чужеродным населением. В суммарной выборке учтенных травм черепа без следов заживления по всей популяции (43 наблюдения) идентифицировано 17 (32.5%) дырчатых переломов, большинство из которых получены в результате удара наконечника стрелы (Тур, Матренин, Соенов, 2018. С. 136). При этом почти всегда наконечники были удалены из черепа. В качестве исключения можно назвать случай обнаружения костяного (рогового) наконечника стрелы в глазнице мужчины с вдавленным переломом черепа и отсеченным предплечьем, документированный в процессе раскопок на некрополе Степушка (курган № 15) в Центральном Алтае (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018. С. 33. Рис. 83, 84).

Обратим внимание на то, что по своим морфологическим характеристикам костяные (роговые) наконечники из погребения кургана № 14, ставшие орудиями убийства, отличались от черешковых изделий, входивших в состав сопроводительного инвентаря. Данные предметы не имеют аналогий и в других захоронениях, раскопанных на некрополе Карбан-I. Железный бронебойный наконечник стрелы, обнаруженный внутри чере-

па умершего человека, вовсе пока уникален для археологических комплексов булан-кобинской культуры Алтая, что косвенно указывает на его происхождение из другого региона.

Использование костяных (роговых) наконечников стрел для поражения живой силы противника представляло собой довольно редкое явление в эпоху Великого переселения народов. За пределами Алтая такие свидетельства наиболее широко зафиксированы в Туве, где, судя по археологическим материалам III–IV вв. н.э., данные наконечники применялись противниками носителей кокэльской и чаатинской культур (Алексеев, Гохман, 1970. С. 248; Кызласов, 1979. С. 161; Садыков, 2018. С. 84–86).

Захоронение мужчины из кургана № 14 в могильнике Карбан-I совершено носителями карбанской традиции обрядовой практики булан-кобинской культуры, составлявшими одну из наиболее многочисленных групп населения Северного Алтая. Проведенный сравнительный анализ обнаруженного предметного комплекса является основанием для определения хронологии данного объекта в рамках II – первой пол. III вв. н.э. Качественный и количественный состав сопроводительного инвентаря свидетельствует о том, что данный индивид относился к рядовым скотоводам и охотникам со средним социальным статусом.

Сделанные заключения о количестве и характере травм однозначно свидетельствуют, что мужчина из анализируемого погребения, не являвшийся профессиональным воином, стал жертвой вооруженного насилия. При этом в остальных исследованных на памятнике Карбан-I объектах булан-кобинской культуры, включая несколько воинских захоронений, факты боевого и бытового травматизма не выявлены. Имеющиеся материалы пока недостаточны для уверенного заключения о том, кто был противником убитого человека: член иной локальной группы “булан-кобинцев”, проникший из другого района Алтая, либо представитель культурно чужеродного населения. Вместе с тем отсутствие аналогий обнаруженному железному наконечнику стрелы в известных археологических материалах обозначенного региона позволяет предварительно склониться к последнему из вариантов.

Представленные материалы дополняют сделанные ранее наблюдения о сложных процессах взаимодействия различных групп населения на Алтае и свидетельствуют о вовлеченности отдельных коллективов “булан-кобинцев” в конфликты с использованием оружия. Дальнейший комплексный анализ имеющихся данных, а также расширение круга источников за счет осуществления точечных раскопок позволят детализировать многие аспекты истории региона в эпоху Великого переселения народов.

Анализ и культурно-хронологическая интерпретация комплекса осуществлены при финансовой поддержке РНФ (проект № 20-78-10037). Обработка материалов раскопок некрополя Карбан-I проведена в рамках программы развития ФГБОУ ВО АлтГУ «Приоритет 2030».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В.П., Гохман И.И.* Палеоантропологические материалы гунно-сарматского времени из могильника Кокэль // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. III. Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. Л.: Наука, 1970. С. 239–297.
- Грязнов М.П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 48). 162 с., 30 л. ил.
- Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С.* Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии / Отв. ред. В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1987. С. 75–106.
- Коновалов П.Б.* Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1976. 221 с.
- Кызласов Л.Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во Московского ун-та, 1979. 207 с.
- Левина Л.М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М.: Восточная литература, 1996. 396 с.
- Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.: Восточная литература, 2001. 528 с.
- Мамадаков Ю.Т.* Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.
- Матренин С.С.* Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Новосибирск: Изд-во Сибирского отд. РАН, 2017. 142 с.
- Матренин С.С., Серегин Н.Н.* Костяные (роговые) наконечники стрел кочевников Алтая рубежа древности и средневековья // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2019. № 3. С. 104–113.
- Николаев Н.Н.* Культура населения Тувы 1-й пол. I тыс. н.э.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. 262 с.
- Ражев Д.И.* Травмы черепов средневекового населения Западной Сибири: распространение, структура, интерпретация // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С. 56–68.
- Садыков Т.Р.* Костяные наконечники стрел первой половины I первой половины I тысячелетия нашей эры в Туве // Записки института истории материальной культуры. № 18. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 80–88.
- Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С.* Общие и особенные характеристики детской погребальной обрядности населения Северного Алтая саянбийского времени (по материалам комплекса Карбан-I) // Народы и религии Евразии. 2021a. Т. 26, № 4. С. 32–45.
- Серегин Н.Н., Демин Д.А., Матренин С.С.* Объекты саянбийского времени комплекса Карбан-I (Северный Алтай) // Народы и религии Евразии. 2021b. Т. 26, № 2. С. 81–91.
- Серегин Н.Н., Матренин С.С.* Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2016. 272 с.
- Серегин Н.Н., Матренин С.С.* Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. – XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2020. 268 с.
- Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С.* Костяные (роговые) наконечники стрел населения Алтая жужанского времени (по материалам археологического комплекса Чобурак-I) // Теория и практика археологических исследований. 2020. Т. 29, № 1. С. 88–99.
- Соенов В.И.* Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2003. 160 с.
- Соенов В.И., Константинова Е.А.* Ремесленные производства населения Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2015. 248 с.
- Соенов В.И., Эбель А.В.* Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. пед. ин-т, 1992. 116 с.
- Соенов В.И., Эбель А.В.* Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. № 3. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 1998. С. 113–135.
- Тишкин А.А.* Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2007. 356 с.
- Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В.* Алтай в саянбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2018. 368 с.
- Трифанова С.В., Соенов В.И.* Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2019. 160 с.
- Тур С.С.* Прижизненные травмы черепа у скотоводов Горного Алтая скифского и гунно-сарматского времени (V в. до н.э. – V в. н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47, № 2. С. 148–157.
- Тур С.С., Матренин С.С.* Скелетные травмы у кочевников Горного Алтая саянбийско-жужанского времени // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2016. С. 63–66.
- Тур С.С., Матренин С.С., Соенов В.И.* Вооруженное насилие у скотоводов Горного Алтая гунно-сарматского времени // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46, № 4. С. 132–139.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. № 2. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 1997. С. 28–37.

Цзвэндорж Д. Новые данные по археологии хунну (по материалам раскопок 1972–1977 гг.) // Древние культуры Монголии / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1985. С. 51–87.

Яремчук О.А. Могильник Зоргол-I – памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии: дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2005. 296 с.

BURIAL OF THE MIGRATION PERIOD WITH TRACES OF VIOLENT DEATH FROM NORTHERN ALTAI

Nikolay N. Seregin^{a, #}, Mikhail A. Demin^{b, ##}, Sergey S. Matrenin^{a, ###}, Svetlana S. Tur^{a, ####}

^a Altai State University, Barnaul, Russia

^b Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

[#] E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

^{##} E-mail: mademin52@mail.ru

^{###} E-mail: matrenins@mail.ru

^{####} E-mail: tursvetlana@mail.ru

The article presents the results of studying a burial of a person with traces of violent death excavated at the Migration period necropolis of Karban-I. This site located in Chermal District of the Altai Republic was studied by the expedition of Altai State Pedagogical University in 1989–1990. An analysis of the recorded signs of ritual practice made it possible to establish that the burial was made by the bearers of the Karban burial tradition constituting one of the numerous population groups of the Bulan-Koba archaeological culture. The research on the morphological characteristics of the unearthed grave goods and their comparison with the known materials of Altai and adjacent territories became the basis for dating the object within the 2nd – first half of the 3rd centuries AD. The number and nature of the recorded injuries unequivocally indicate that the man from the burial under analysis was not a professional soldier but became a victim of violence involving the use of weapons. The available data allow for tentative assumption that the opponent of the murdered person was a representative of a culturally alien population.

Keywords: Altai, the Migration period, burial, skeletal trauma, weapons, chronology.

REFERENCES

- Alekseev V.P., Gokhman I.I., 1970. Paleoanthropological materials of the Hunnic-Sarmatian period from the Kokel burial ground. *Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii [Proceedings of the Tuva complex archaeological and ethnographic expedition]*, III. *Materialy po arkheologii i antropologii mogil'nika Kokel' [Materials on the archaeology and anthropology of the Kokel burial ground]*. Leningrad: Nauka, pp. 239–297. (In Russ.)
- Gryaznov M.P., 1956. Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka [The history of the ancient tribes of the Upper Ob based on excavations near the village of Bolshaya Rechka]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. 162 p., ill. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 48).
- Khudyakov Yu.S., 1986. Vooruzhenie srednevekovykh kочевников Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii [Weaponry of medieval nomads of South Siberia and Central Asia]. Novosibirsk: Nauka. 268 p.
- Khudyakov Yu.S., 1997. Weaponry of nomads of the Gorny Altai in the Hun period (based on materials from the excavations of the Ust-Edigan burial ground). *Izvestiya laboratorii arkheologii [Proceedings of the Laboratory of Archaeology]*, 2. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 28–37. (In Russ.)
- Konovalov P.B., 1976. Khunnu v Zabaykal'e (pogrebal'nye pamyatniki) [Xiongnu in Transbaikalia (burial sites)]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo. 221 p.
- Kozhombardiev I.K., Khudyakov Yu.S., 1987. Arms complex of the Kenkol warrior. *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoy Azii [Warcraft of the ancient population of Northern Asia]*. V.E. Medvedev, Yu.S. Khudyakov, eds. Novosibirsk: Nauka, pp. 75–106. (In Russ.)
- Kyzlasov L.R., 1979. Drevnyaya Tuva (ot paleolita do IX v.) [Ancient Tuva (from the Paleolithic to the 9th century)]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 207 p.
- Levina L.M., 1996. Etnokul'turnaya istoriya Vostochnogo Priaral'ya. I tysyacheletie do n.e. – I tysyacheletie n.e. [Ethnocultural history of the Eastern Aral Sea region. 1st millennium BC – 1st millennium AD]. Moscow: Vostochnaya literatura. 396 p.
- Litvinskiy B.A., 2001. Khram Oksa v Baktrii (Yuzhnyy Tadzhikistan) [The temple of Oxus in Bactria (Southern Tajikistan)], 2. Baktriyskoye vooruzhenie v drevnevostochnom i grecheskom kontekste [Bactrian weapons in the ancient Oriental and Greek context]. Moscow: Vostochnaya literatura. 528 p.
- Mamadakov Yu.T., 1990. Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v pervoy polovine I tys. n.e.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [The culture of the Central Altai population in the first half of the 1st mil-

- lennium AD: Doctoral Thesis in History]. Novosibirsk. 317 p.
- Matrenin S.S., 2017. Snaryazhenie kochevnikov Altaya (II v. do n.e. – V v. n.e.) [Equipment of Altai nomads (2nd century BC – 5th century AD)]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. 142 p.
- Matrenin S.S., Seregin N.N., 2019. Bone (horn) arrowheads of Altai nomads at the turn of antiquity and the Middle Ages. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie nauki i arkhologiiya* [Altai State University journal. Historical sciences and archaeology], 3, pp. 104–113. (In Russ.)
- Nikolaev N.N., 2001. Kul'tura naseleniya Tuvy 1-y pol. I tys. n.e.: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [The culture of the population of Tuva in the first half of the 1st millennium AD: Doctoral Thesis in History]. St. Petersburg. 262 p.
- Razhev D.I., 2013. Skull injuries among medieval population of Western Siberia: distribution, structure, interpretation. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archaeology, anthropology and ethnology], 2 (21), pp. 56–68. (In Russ.)
- Sadykov T.R., 2018. Bone arrowheads of the first half of the 1st millennium AD in Tuva. *Zapiski instituta istorii material'noy kul'tury* [Proceedings of the Institute for the History of Material Culture], 18. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 80–88. (In Russ.)
- Seregin N.N., Demin D.A., Matrenin S.S., 2021b. Objects of the Xianbei period in the Karban-I complex (Northern Altai). *Narody i religii Evrazii* [Peoples and religions of Eurasia], vol. 26, no. 2, pp. 81–91. (In Russ.)
- Seregin N.N., Demin M.A., Matrenin S.S., 2021a. General and special characteristics of children's funeral rites among the Northern Altai population of the Xianbei period (based on the materials of the Karban-I complex). *Narody i religii Evrazii* [Peoples and religions of Eurasia], vol. 26, no. 4, pp. 32–45. (In Russ.)
- Seregin N.N., Matrenin S.S., 2016. Pogrebal'nyy obryad kochevnikov Altaya vo II v. do n.e. – XI v. n.e. [The funeral rite of the Altai nomads in the 2nd century BC – 11th century AD]. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 272 p.
- Seregin N.N., Matrenin S.S., 2020. Sotsial'naya istoriya naseleniya Altaya v epokhu kochevykh imperiy (II v. do n.e. – XIV v. n.e.): po materialam arkhologicheskikh kompleksov [Social history of the Altai population in the age of nomadic empires (2nd century BC – 14th century AD): based on the materials of archaeological complexes]. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 268 p.
- Seregin N.N., Tishkin A.A., Matrenin S.S., Parshikova T.S., 2020. Bone (horn) arrowheads of the Altai population of the Rouran period (based on the materials from the Choburak-I archaeological complex). *Teoriya i praktika arkhologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research], vol. 29, no. 1, pp. 88–99. (In Russ.)
- Soenov V.I., 2003. Arkheologicheskie pamyatniki Gornogo Altaya gunno-sarmatskoy epokhi (opisanie, sistematika, analiz) [Archaeological sites of Gorny Altai of the Hunnic-Sarmatian period (description, systematics, analysis)]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy gosudarstvennyy universitet. 160 p.
- Soenov V.I., Ebel' A.V., 1992. Kurgany gunno-sarmatskoy epokhi na Verkhney Katuni [Mounds of the Hunnic-Sarmatian period on the Upper Katun]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut. 116 p.
- Soenov V.I., Ebel' A.V., 1998. Research at the Kurayka burial ground. *Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arkhologii* [Antiquities of Altai. Proceedings of the Laboratory of Archaeology], 3. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 113–135. (In Russ.)
- Soenov V.I., Konstantinova E.A., 2015. Remeslennyye proizvodstva naseleniya Altaya (II v. do n.e. – V v. n.e.) [Craft industries of the Altai population (2nd century BC – 5th century AD)]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy gosudarstvennyy universitet. 248 p.
- Tishkin A.A., 2007. Sozdanie periodizatsionnykh i kul'turno-khronologicheskikh skhem: istoricheskiy opyt i sovremennaya kontseptsiya izucheniya drevnikh i srednevekovykh narodov Altaya [Designing periodization and cultural-chronological charts: historical experience and the modern concept of studying the ancient and medieval peoples of Altai]. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 356 p.
- Tishkin A.A., Matrenin S.S., Shmidt A.V., 2018. Altay v syan'biysko-zhuzhanskoe vremya (po materialam pamyatnika Stepushka) [Altai in the Xianbei-Rouran period (based on materials from the Stepushka site)]. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 368 p.
- Trifanova S.V., Soenov V.I., 2019. Ukrasheniya naseleniya Altaya gunno-sarmatskogo vremeni [Ornaments of the Altai population of the Hunnic-Sarmatian period]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy gosudarstvennyy universitet. 160 p.
- Tsevdorzh D., 1985. New data on Xiongnu archaeology (based on excavations in 1972–1977). *Drevnie kul'tury Mongolii* [Ancient cultures of Mongolia]. R.S. Vasil'evskiy, ed. Novosibirsk: Nauka, pp. 51–87. (In Russ.)
- Tur S.S., 2019. Intravital skull injuries in pastoralists of Gorny Altai of the Scythian and Hunnic-Sarmatian periods (5th century BC – 5th century AD). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, ethnology and anthropology of Eurasia], vol. 47, no. 2, pp. 148–157. (In Russ.)
- Tur S.S., Matrenin S.S., 2016. Skeletal injuries in the nomads of Gorny Altai of the Xianbei-Rouran period. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv* [Ecology of ancient and traditional societies]. Tyumen': Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 63–66. (In Russ.)
- Tur S.S., Matrenin S.S., Soenov V.I., 2018. Armed violence among pastoralists of Gorny Altai in the Hunnic-Sarmatian period. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, ethnology and anthropology of Eurasia], vol. 46, no. 4, pp. 132–139. (In Russ.)
- Yaremchuk O.A., 2005. Mogil'nik Zorgol-I – pamyatnik khunno-syan'biyskoy epokhi stepnoy Daurii: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [The Zorgol-I burial ground – a Xiongnu-Xianbei site of the steppe Dauria: Doctoral Thesis in History]. Chita. 296 p.